

«Не делай печального лица...»

Давно замечено: сделавший абсурд жизни одной из главных тем своих произведений, Чехов сам был абсолютно беспомощен перед бытовой, повседневной нелепостью. В своем ялтинском доме он, тяжело больной, занимал сырую, холодную комнату. Посетители, которых ему приходилось принимать с утра до вечера, не стеснялись закуривать прямо в его кабинете. А Чехов, по воспоминаниям, заходил в мучительном кашле, щурился и молчал.

«Не делай печального лица... Люди, которые давно носят в себе горе и привыкли к нему, только посвистывают и задумываются» — наставлял Чехов Ольгу Леонардовну, игравшую Машу в его «Трех сестрах». Он хорошо знал, что значит быть несчастливым.

К столетию со дня смерти Чехова — 15 (2) июля — в московском издательстве «Артист. Режиссер. Театр» вышла книга Алевтины Кузичевой

«Чеховы. Биография семьи».

В книге нет главы, посвященной Антону Чехову, однако, его личность оказывается сердцевинной семейного эпоса. Читая эту книгу, непременно приходишь к горькому выводу: не тая Чехов с ранней юности семейную лямку, не считаясь со всеми прихотями родных, прожил бы дольше...

Когда разорившийся купец Павел Егорович Чехов бежал из Таганрога, чтобы не попасть в долговую яму, братья Антон и Иван остались в городе вдвоем. Всю жизнь Иван Павлович Чехов помнил эти тяжелые таганрогские годы: Антон тогда заменял ему отца.

Стоят: Мария Павловна Чехова, Ольга Леонардовна Книппер-Чехова; сидят: Евгения Яковлевна, Антон Павлович Чеховы. Ялта. 1902 г.

Существует устойчивая легенда, что никто в семье не знал о предстоящем бракосочетании (Чехова с Ольгой Книппер. — ред.). Как анекдот передают встречу братьев в сам день венчания. Будто бы Антон увидел Ивана, остановил извозчика и спросил брата, надо ли жениться. Тот ответил — ни за что на свете.

На самом деле, в мае 1901 года Антон поделился своей тайной с Иваном. Только с ним одним. Может быть, этот разговор произошел в тот день, когда они пошли в Новодевичий монастырь, навестить могилу отца. Иван одобрил решение брата. Известно, что они вместе ходили к священнику договариваться о дне и часе венчания.

Виделись рано утром и в день бракосочетания. А перед отъездом на кумыс Антон заехал, чтобы оставить свадебный костюм. Однако брата не застал, положил на стол деньги с коротким письмом: «Прилагаемые при сем 50 р. возьми (Бога ради без отдачи) и прокатись по Волге в первом классе...». В такие минуты Иван, как он признавался брату, чувствовал себя ребенком. Его, как и Антона, мало ласкали в детстве, и внимание, забота, трогали его до слез...

Иван Павлович сразу принял Ольгу Леонардовну. И она выделяла его среди родни мужа.

Догадываясь о том, что происходит в ялтинском доме после известия о венчании, Иван Павлович после поездки по Волге и очередного свидания с Таганрогом направился в Ялту. Он застал картину, которую с удивлением описал жене: «...Известие о женитьбе Антона вызвало в Ялте страшный переполох и почти всех его знакомых и даже незнакомых повергло в уныние и грусть. Мамаша и Маша каждый день и по несколь-

ко раз в день начинают сольный разговор об этом событии и, вероятно, кончат его только после приезда Антоши».

Иван Павлович сбежал от этих разговоров, уходил в далекие пешие прогулки... Намерение брата проводить лето около Москвы чрезвычайно обрадовало Ивана, в чем он признался матери: «...Буду счастлив, если удастся увидеть в своей квартире Антошу и Ольгу Леонардовну».

Однако увидеть их вместе или порознь удавалось редко, поэтому ему трудно было понять, что происходит в ялтинском доме. Весной 1902 года, в апреле, на Пасху, Иван поехал навестить мать и брата. В доме не переводились гости: Горький, Шаляпин, Лавров... Но за этой оживленной внешней жизнью ощущалась внутренняя, не очень гладкая, беспокойная... Особенно хлопотно стало после приезда Ольги Леонардовны. Ее привезли больную, после тяжелой операции.

Женщины в семье Чеховых, видимо, не были терпеливыми сиделками и терпимыми утешительницами. Они становились раздраженными. 15 апреля Иван Павлович рассказывал жене: «Бедная мамаша и Маша до сих пор не могут примириться с мыслью, что Антоша женат и что их новая и самая близкая невестка должна быть непременно именно Ольга Леонардовна. Мать мечтает о Мелихове и просится туда... Здесь, в Аутке, очень трудно получить две вещи: чернила и стакан чая».

Встречи Ивана с Антоном случались все реже. На Пасху он побывал в Ялте, а летом навестил брата с женой в богатом имении Якуниной, где те отдыхали. Антон просил брата приехать не случайно. Недели ранее московский профессор Остроумов,

Иван Павлович Чехов.

посмотрев коллегу, откровенно обрисовал положение дел. Чехов написал сестре: «Оказалось, что правое легкое у меня весьма неважное, что у меня расширение легких (эмфизема) и катар кишок и проч. и проч.» В письме к Суворину даже приведены слова профессора, сказанные Чехову: «Ты... калека».

Этот приговор был известен Ивану Павловичу. Он не хотел верить, что болезнь необратима и конец близок. Об этом не говорили вслух, но все были более обыкновенного нервны. Особенно это ощущалось, едва родные съезжались в Ялте.

Как всегда, первым не выдерживал Иван Павлович. Он начинал себя чувствовать лишним, воображать, будто кого-то стесняет. 23 июля 1903 года поделился с женой:

«Ольга Леонардовна целые дни поет без удержу и этим напоминает мне, что пора торопиться в Гурзуф. ...Антоша целые дни сидит на балконе и перечитывает всех молодых беллетристов, которые так усердно снабжают его своими новыми книгами. Он здоров. Леонардовна хандрит и актрисничает. Маша нервничает, расстраивается и злится».

С утра до вечера в доме толклись: визитеры, гости; мхатовские актеры, отдыхавшие в Крыму; ялтинские знакомые, московские и петербургские приятели. Братьям не удавалось побыть вдвоем. Иван Павлович в досаде уходил купаться, а вечерами — слушать симфонический оркестр.

...Ранней весной 1904 года Иван Павлович опять помчался в Крым и опять увидел знакомую картину: гости, гости, гости. В апреле он получил, кажется, последнее письмо из Ялты: «Милый Иван, поздравляю с ангелом, мать тоже шлет свое поздравление, и оба мы желаем тебе всего хорошего...»

Последние свидания с братом пришлось на май. Антон уже не вставал... Ивану тяжело было делать вид, будто никакого ухудшения нет и больной вот-вот пойдет на поправку; он страшился расплакаться. Иван боялся лишнего раз навестить брата. Доходил до дома Катыка, где Чеховы снимали квартиру, бродил под окнами, а Антон спрашивал с раздражением, где же Иван, почему он не идет.

Иван догадывался, что теряет того, кто с отрочества заменил ему отца, хотя был старше всего на год.

Иван так и не попрощался с братом... Из-за границы Антон Павлович писал в последних письмах родным: «Привет мамаше и Ване. Живите и, если можно, не хандрите. ...А Ваня где? Приехал ли он в Ялту? Теперь будьте покойны, все обстоит благополучно».

Второго июля 1904 года Иван Павлович и Мария Павловна, уехавшие на Кавказ, получили телеграмму, посланную из Ялты двоюродным братом Жоржем: «Антоша скончался». ...Похороны на Новодевичьем никто из родных не описал. В мемуарах младшего брата и сестры повторено в общем виде то, о чем сообщали газеты.

Репортажи походили один на другой, сливаясь в тот самый говор, который Горький передал в письме к жене: «От Николаевского вокзала до Художественного театра я шел в толпе и слышал, как говорили обо мне, о том, что я похудел, не похож на портреты, что у меня смешное пальто... что Шаляпин похож на пастора и стал некрасив, когда остриг волосы; говорили обо всем — собирались в трактиры, ко знакомым — и никто ни слова о Чехове...»

Над могилой ждали речей. Их почти не было... Что это за публика была? Я не знаю. Влезали на деревья и — смеялись, ломали кресты и ругались из-за мест, громко спрашивали: «Которая жена? А сестра? Посмотрите — плачут!» — «А вы знаете, ведь после него ни гроша не осталось, все идет Маркусу». — «Бедная Книппер!» — «Ну, что же ее жалеть, ведь она получает в театре 10 000» — и т.д... Шаляпин заплакал и стал ругаться: «И для этой сволочи он жил, и для нее работал, учил, упрекал». Я его увел с кладбища. И когда мы садились на лошадь, нас окружила толпа, улыбалась и смотрела на нас. Кто-то — один на тысячу! — крикнул: «Господа, уйдите же! Это неприлично!» Они, конечно же, не ушли...

По завещанию семья становилась временным владельцем имущества и творческого наследия Чехова. Родные не могли передать прав своим детям и внукам. Все в конце концов должно было отойти таганрогским народным училищам, школам, курсам, библиотекам, на нужды недостаточных, то есть бедных, учеников. Таких, какими были в 1876-1877 годах Антон и Иван Чеховы, когда их отчисляли из Таганрогской гимназии за неуплату взноса.

Печатается с сокращениями
Книгу А. Кузичевой можно купить
в магазине «Театральные книги».
Страстной бульвар, 10.

Чехов А.П.

15.07.2004

SK